
Анна Ушмаева

Выжить без зеркала

Триптих

1. Левша

Я найду тебя, падаль! И в мерзкую ночь
Я прицелюсь в глазёнки — и вышибу прочь!
Две большие дыры! Упоительный тир!
Твою подлую душу отправлю в сортир!
Ты увидишь красиво одетых людей,
Увлечённо кружащихся в вальсе костей
Над погостом приюта «Послушных Детей»!

— Это что? — Она даже не подняла взгляда на девушку.

— Вы, о чем? — Аня осмотрела себя обнажённую, насколько это было возможно без зеркала. Ничего особенного не нашла. Подтянутое девичье тело, плоский живот. Немолодая совсем женщина занималась оформлением бумаг.

— Дурочку из меня не делай, — она, также не поднимая головы, нахально ткнула ручкой Аню в предплечье, где на тонком венке оставались от вчерашнего забора крови на анализы следы уколов.

— Вы думаете, я наркоманка?

Аня чуть сжала губки, перевела взгляд на медсестру. Она наконец посмотрела на новоприбывшую. Аня успокоилась.

Взгляд чуть вбок и улыбка — свысока.

— Что кокетничаешь? Сережки все свои снимай, кольца, из носа дрянь вот эту тоже вынь.

Аня вынула из носа сережку, септум. И только сейчас почувствовала, что она полностью обнажена, что на руке у нее следы от уколов, паспорт — в цепких руках хамоватой медсестры, и в толстом совдеповском журнале появляются какие-то записи. От открытой двери в коридор ее отделяет шаткая, почти картонная перегородка. За ней перешептывания и шелест санитарской формы.

Они ждут Аню.

Медсестра тяжело поднялась, но, встав и выпрямившись, пошла плавно, с элегантностью баржи. В руках у Ани появился застиранный фланелевый халат в цветочек. Он пах мерзко, но пришлось одеться. Показывать характер здесь нельзя.

Убедившись, что тело девушки прикрыто, баржа сделала маневр кистью, подзывая одного из санитаров.

— Пожитки эти вниз спустите.

— Подождите, там телефон, там планшет, мне ведь нужно маме сообщить, — голос Ани дрогнул. В рюкзаке были все ее вещи. Она обменяла их на выцветший халат. Двое других санитаров образовали конвой и повели девушку вглубь по коридору. Ее никто не держал, но на молодых лбах читалась полная готовность.

Привели в палату, уложили на кровать. Аня пыталась прикинуть, сколько здесь мест. Количество стремилось к бесконечности.

Подошел врач, он выглядел адекватно, надо было суметь с ним поговорить. Она привстала на кровати.

Грубый толчок: «Лежи».

— Анна Сергеевна, — врачу передали папку с документами, видимо там было и направление, характеристика, анамнез. Он пробежал глазами по одной из бумажек. — Значит, опасна для социума.

Санитары исчезли, на их месте стояла медсестра отделения. Иссохшая старушка. Ей, скорее всего, не было еще пятидесяти, но она выглядела мучительно плохо, словно сама себя поела изнутри.

— Пока капельницу поставьте, — врач обратился к ней. — Пять, шесть. Лучше — больше. Ирины Витальевны до понедельника не будет все равно. Я ею заниматься не буду, я не ее лечащий врач. Поэтому пусть. Отдыхает.

Аня силилась встать, но холеный молодой мужчина, «не ее лечащий врач», предупредил попытку:

— Всё с Ириной Витальевной. Экстренную помощь мы вам окажем. Дальнейшее лечение зависит от нее.

Так Аня познакомилась с первым врачом отделения. На фоне других женщин и девушек в советских халатах, на фоне измученных ночными сменами санитаров он сиял жемчугом. Идеальная, ухоженная щетина. Белоснежные рукава. Ни единого пятнышка. Он не касался ничего, что могло бы его испачкать. И он, конечно, ничего не решал и ничего не значил. Фактически, до понедельника, пока не вернется Ирина Витальевна, в отделении не будет хозяина. Пациенты могли бы устроить революцию.

Но даже без хозяйки третье отделение хранило жуткий чад страха.

Руку Ани примотали бинтом к железным прутьям кровати, чтобы игла не вылетела во сне. С каждой каплей, стекающей по пластиковой трубке, Аню сильнее прижимало к больничным простыням с серой печатью клиники.

— Анечка, милая, соберись. Нужно понять, как ты здесь оказалась.

Еще вчера никто не мог предположить такого развития событий. Аня проснулась поздно, солнце полностью залило почти не смятую после сна постель. Первые заходящие к Ане лучи обычно будили ее: весной и летом никогда не заводился будильник. Но сегодня свет не потревожил девочку.

Проснулась в блузке, юбка лежала в кровати у ног, внизу туфли, не сняла в прихожей.

— Да, детка, — обратилась Аня сама к себе, — ты давно так не напивалась.

Аня точно знала, что вчера не пила.

И ужин себе не готовила — специально зашла ближе к вечеру в вегетарианское кафе у дома. Это абсолютно точно. Но в правой руке нож — желтая пластмассовая рукоятка. Такими ножами не шутят.

Аня левша. С другой стороны на кровати — ноутбук, открытый вордовский документ. Мелькнул значок батарейки — нужно срочно поставить на зарядку несохраненный документ может пропасть.

По первым выловленным словам было понятно, это посмертные указания. Экран мелькнул еще раз и выключился.

— Слишком сюрреалистично, дорогуша, — пробормотала Аня, измеряя шагами комнату в поисках зарядки.

На восстановление файла нужно время.

— Можешь потратить эти минуты на самоуспокоение, но это очевидно. Кто-то пытался тебя убить изнутри.

Аня ужаснулась, это были первые искренние ее слова самой себе.

Надо было ехать в больницу, она чудом осталась жива. И сейчас ей нужна помощь.

В кабинете сидела Она.

— Вызывайте санитаров, Марина, — уверенно кивнула Она медсестре. Та отвлеклась от бумажек и взялась за трубку древнего стационарного телефона.

— У нее ведь Потешная по прописке, Ирина Витальевна?

— Вызывайте на Матросскую.

— Это куда вы с понедельника?

Снова потерялось. Как дошли до санитаров?

— У вас, Анна, с сессией что-ли проблемы? К госам не подготовились?

— Я всегда на отлично все сдавала, я ведь говорю вам, что-то страшное произошло, я проснулась — в постели нож.

— Всегда на отлично, а в этот раз не готовы? Что произошло-то, откуда ножу взяться в кровати?

Аню снова и снова заставляли враспloch, прижимали к выкрашенной стене кабинета все сильнее и сильнее.

— Татуировки на руках, пирсинг. Лысая голова. Любите быть в центре внимания? Внешность у вас вызывающая.

Голос подала медсестра:

— Может, диплом не написала?

Медсестру пригвоздили не менее жестко.

— Диплом не написала еще? — спросила Ирина Витальевна.

Аня наконец догадалась. Они думали, ей нужен академический отпуск. Они думали, она строит из себя дурочку. Аня, которая пришла сюда, в царство регистратуры и белых халатов, признаться в своей слабости, обнажить провод. Провод оголен.

Она заплакала.

— Я проснулась, а в правой руке нож! Я записку писала предсмертную, я умирать собиралась вчера. А умирать я не хочу.

— Не хотите, значит. И диплом готов.

— Готов, — Аня не сдержалась и всхлипнула.

— Вызывайте санитаров, Марина.

Медсестра запечатывала документы в конверт. Аня засыпала с каждой каплей, исчезавшей в стеклянной трубке, ведущей к привязанной к кровати руке.

Проснулась Аня в понедельник. Уже в другой палате, здесь было всего пять кроватей, не железных, советских, а таких, какие ставят в операционных. На каждой кто-то сидел, каждая в халате в цветок, они куда-то собирались.

Лицо опухло, Аня хотела посмотреть на себя в зеркало, но, оглядевшись, ничего не нашла.

— Ой, сама встала, спящая красавица, — веселая тетка нежно толкнула Аню справа. — Прямо к завтраку.

В столовой — столы. За каждым сидело по пять человек, Аня проследовала за старшими соседками по палате. Женщины в фланелевых халатах дробили ложками холодные сосиски.

Веселая тетка с шутиливой суровостью снова толкнула Аню:

— Сосиску бери, сейчас какая-нибудь неадекватная заберет, без завтрака останешься.

— Я вегетарианка.

— В смысле, мясо не ешь? — тетка явно была удивлена. — Вчера уплетала за обе щеки.

— Еще бы, вчера котлетосы были — огонь.

Аня вздрогнула. Это был голос умирающего человека. Абсолютно точно, это последние слова еще живого, но совсем недолго, человека.

Ее звали Настасья. Она была единственной, кому разрешали держать у себя расческу. Расческу для длинных, до пояса, черных, переливающихся на свету густых волос. Расческу. В отделении, где еда была холодная, где есть разрешали только тупыми алюминиевыми ложками, где разрешали душ раз в неделю и следили за тобой, пока ты моешься, где не было ни одного зеркала. Ей позволили хранить в прикроватной тумбочке расческу для своих шелковистых волос.

Сейчас они были стянуты в хвост.

— Котлетосы — огонь. А макароны. Это ужас. Могли бы и с пюрехой. Макароны — это же авокадо для бедных.

Настасья была высокой и очень крепкой. Тело амазонки, если бы им не завладела всепоглощающая апатичная слабость. Сколько она уже здесь? Она быстро поела содержимое тарелки, закатав рукава. На запястье начиналась глубокая, проложенная лезвием дорожка и уходила дальше по предплечью.

Судя по шраму, ране было недель семь-восемь. Судя по тому, что она была жива, ее доставили в больницу сразу же после нанесения.

После завтрака Аня приостановилась у входа в палату:

— Настасья!

Умирающая смотрела на Аню умоляюще, только о чем?

— Ты уже сколько здесь?

— Не помню. Месяца два, может.

Сил оставалось ровно столько, чтобы дойти до кровати. Покачивало и жутко хотелось есть. В палату, двери в которую никогда не закрывались, заглянула медсестра. Та самая, которая радушно капельницей встретила Аню:

— В порядок себя приведите. Сейчас осмотр будет.

Гром веселой тетки с ласковой грубостью укладывал Аню:

— Поспи! Девочка, засыпай, когда Ирина Витальевна придет, мы тебя разбудим.

Гром веселой тетки будил:

— Вставай, спящая красавица! Завтрак проспидишь.

Какой завтрак. Должен же был быть осмотр. Какой завтрак, он ведь был только что!

Тетка предугадала ход мыслей, толкавших в Аниной голове.

— Ирина Витальевна сказала тебя не будить. Сказала, недельку тут полежишь, восстановишься, прокапают тебя и выйдешь.

Слава богу! Все стало понятно.

— Мне также говорили. Уже восьмую недельку прокапывают, — Настасья расчесывала свои длинные волосы. — Ты спрашивала вчера, сколько я здесь. Я вот посчитала, восемь недель завтра будет.

Аня села на кровать к Настасье:

— Надо сообщить моему брату. Родители у меня из глубинки, их в Москве нет, да и не помогут ничем. Здесь брат, с ним надо связаться.

— Не надо. Тебя не спасут. Все, что они знают о тебе, они используют. Думаешь, ты на дне сейчас? — Настасья схватила и крепко сжала руку Ани, которой та опиралась о кровать, Аня пошатнулась.

— А я уже на дне.

Весь завтрак Аня ждала возможности снова поговорить с Настасьей. Халаты в цветочек, алюминиевые ложки, сосиски. Измученная амазонка поплелась чистить зубы. Аня за ней.

— А зубы чистить тоже без зеркала?

Настасья сплюнула в начищенную раковину стусток зубной пасты.

— Хочешь выжить? Будешь выживать без зеркала, придется забыть отражение. Выживать придется одной, надо забыть братьев, сватьев и всех остальных. Моя сестра приезжала сюда первые дни. Говорила подожди, скоро домой поедем, только убедятся врачи, что можно тебя без надзора оставлять, что ты здорова. А сама с каждым днем убеждалась только, что я больна.

— Это она ее убила?

— Нет, это она сделала из меня больную. А теперь давай считать твои дни. Сегодня четвертый.

Аня выскочила из палаты. В коридоре дежурные за массивным столом. На столе тонна бумаг и телефон. Когда ее привели сюда в пятницу, четыре дня назад, она видела, кто-то в фланелевом халате говорил по телефону, ей разрешили сесть на табуретку сбоку и набрать номер. Значит, могут разрешить и Ане.

Из-за стола поднялась сухая самопоедающаяся старушка:

— Вернись в палату. У тебя нет разрешения на прогулку по коридору.

— Мне нужно позвонить!

— Разрешение на звонки дает только Ирина Витальевна.

— Позовите ее!

Аня снова лежала на кровати, руку зафиксировали, чтобы с капельницей не было проблем.

В старушке не было злости, старушка только самоуничтожалась, и сил ни на какие другие эмоции не было. Она попыталась не быть грубой.

— Ирина Витальевна будет только на следующей неделе. Ты телефон-то помнишь? Она придет, даст разрешение, а я не могу, я не врач.

Надо вспомнить номер телефона брата. Номер, который Аня набирала всего раз в жизни, чтобы записать.

Можно и не вспоминать — через неделю ее и так выпустят. Уже даже меньше, до пятницы осталось всего ничего. Точно выпустят, ее ведь не за что здесь держать. Прокапают и выпустят, а номер буду вспоминать не из-за необходимости. А чтобы чем-нибудь себя занять. Не все же спать.

В коридоре звон. Приглушенный голос старушки: «Алё. Сейчас буду». Поднялась на своих ногах-костылях. Открыла дверь столовой, нырнула туда. Это не баржа, она сухая, не тонет, но и не плывет.

Столовая — проходная комната в здании клиники, чуть дальше кабинеты: врач, главврач, психолог.

Главврач. Ирина Витальевна. Стук в дверь. Тишина. Снова: тук-тук.

— Секунду... Войдите.

Ирина Витальевна сидела, слегка развалившись...

2. Ирина Витальевна

Ирина Витальевна сидела в кресле, позволив себе развалиться ровно настолько, насколько она при этом не теряла грации женщины, обладающей властью. Настоящей, а не властью гардеробщицы, хватающейся за любую возможность ее продемонстрировать.

Ирина! Ирина была хороша, немного до сорока, но пока еще не. Крепкие мускулистые икры, выше — облегающая черная юбка. Белый локон спустился на плечо из прически.

Она знала, что редкий мужчина осмелится к ней подойти, хотя многим и хотелось. Знала, потому что годами строила этот образ ядовитого аленького цветочка.

Насчет Ани она не ошиблась. Одна из тех, кто ничего из себя не представляет, из тех, кто никогда не был лучше хоть кого-нибудь, хоть в чем-то.

Но такие всегда отличались.

И, если честно, едва ли уместно так обобщать. Аня была вторым таким человеком из тех, что встречала Ирина. Хотя уже девятнадцатый год шли ее поиски, начавшиеся сразу после смерти первого.

Лет двадцать назад никто не узнал бы в Иришке, пухленькой девочке с дефектом речи — проблемы со свистящими — этого рокового комиссара, разлегшегося в кресле белой кожи. Девочка в тени своего брата близнеца.

Такого же пухленького. Помидорка.

Начальная школа. Он — лучший. Так никто не читает, никому так не дается таблица умножения. У него феноменальная память. Школьные олимпиады, конкурсы рассказов, праздники чести. Всюду он.

Иришка выбивается из сил, чтобы не выглядеть глупо рядом с ним, Иришка учится на пятерки, Иришка добивается участия в олимпиадах, даже выходит на призовой уровень, конференция, публикация в сборнике, доклад по этнографии евреев. Иришка наконец может встать рядом с братом.

Только он на карусели это все вертел. Сбегает из дома. Бунтарь. От него ждали золотой медали, а он получил тройку в аттестат и свалил после девятого класса.

Он просто однажды за столом, во время ужина, попросил никого не уходить и выслушать его решение, с которым домашние должны посчитаться. Он сказал, что дальше он будет заниматься музыкой.

Иришка ликовала. Лучшая ученица школы. Сейчас ее братца, уroda, сбросят со скалы...

3. Теперь — правша...

Аня перестала соблюдать осторожность. Она знала, плакать было нельзя. За слезы тебя отправляют в палату, которую здесь называют карантин. Та, куда отправляют новоприбывших. Там, где бесконечное число кроватей стоит одна за другой, и ни на секунду тебя не оставляют одну. У этой палаты даже номера нет, и каждый, кто туда попадает, перестает существовать. В этой палате нет ни одного «я», нет ни одного «ты», там нет даже пресловутого «мы». Каждый боялся даже думать, способность мыслить терялась, останавливалась, сознание забивали глухими ударами загнанного от ужаса сердца. Человеку необходима интимность, чтобы просто быть человеком. Внимание! Очень важная банальность: без кислорода ты все еще можешь быть человеком. Задыхающимся, жалким, посиневшим человеком. А без возможности остаться наедине с собой — нет. После этой палаты миры антиутопий, где за тобой непрерывно и неутомимо следит какой-нибудь большой родственник, ощущаются

совсем иначе. Они уже не вызывают в тебе возмущения или чувства несправедливости. Просто холодят тело. А ты не двигаешься до тех пор, пока боль не отпустит, только чувствуешь, как постепенно немеют конечности, снизу вверх, и все равно не шевелишься. Поэтому все так боялись снова попасть в карантин. Но сейчас Аня была не в том положении, чтобы бояться. Ее оставили одну, но не дали возможности оставаться наедине с самой собой. Они даже закрыли дверь. Это единственная палата, в которой закрывалась дверь. Аня стучалась и плакала столько, сколько хотела. Иссохшая медсестра начинала сходить с ума от жалости и даже позволила себе заговорить с ней в очередной раз, открывая дверь, чтобы проводить в столовую.

— Что же ты психуешь! Ты разве не понимаешь, что это тебя воспитывают! Для твоего же блага. Как успокоишься, так и придут к тебе, наверное, и в палату обычную вернут. С тобой же по-человечески хотят!

Эти правила действительно работали. Но не в этой палате. С Аней играли в другую игру, куда сложнее и изощреннее. Не потому, что правила «для всех» были слишком простые. Просто Ане достался жребий участвовать в другой игре. Вот почему эта палата. Она ведь была обычных размеров, там должно было стоять пять кроватей. Но их не было. Поле подготовили специально для нее.

Вот почему она знала, что нельзя останавливаться и позволяла себе плакать, когда хотелось. У нее был сильный соперник, сохранять свободу в одиночной камере становилось все сложнее. На седьмой день она сломалась. Галоперидола вкололи столько, что она просто не смогла полностью проснуться. Ирине Витальевне доложили в срочном порядке: у Шестаковой спокойно, не кричит, на медсестер реагирует вяло.

Как она была притягательно величественна. Царица Ирина. Она соизволила показаться своей подданной. Она села на ее кровать, она была готова даже протянуть ей руку.

Аня открыла глаза. Перед ней сидела та самая, что отравила ее сюда. Вот почему это имя казалось знакомым, это имя на бейджике участкового врача психоневрологического диспансера под номером семь. Этот пазл сошелся только сейчас. Аня приподнялась на кровати: игра становилась понятна.

— Кажется, неделя уже прошла, — заявила она. — Более того, я не понимаю, почему мне нельзя связаться с родственниками и, самое важное, почему мой лечащий врач ни разу меня не посетил. Лекарства мне дают вообще на законных основаниях?

Такой длинной и связной речи никто не мог ожидать от Ани. Ни Ирина Витальевна, ни она сама. Препараты не позволяли этого чисто физически.

Ирина Витальевна поняла, что ошиблась, поспешила. Пришла смилостивиться над уничтоженным зверем, а он еще не был побежден, только устал, и более того, был силен настолько, что позволил себе отдохнуть. И уходить было поздно, надо было срочно менять тактику, и плана Б не было.

— Рано пока.

Ирина Витальевна вышла. Еще величественнее, чем зашла. Слабость Ани оказалась мощным тактическим ходом, но не сделала ее сильнее. Она снова заплакала, и в этот раз ее никто не слышал.

Ане разрешили звонок. Номер телефона принесли на бумажке помойного вида, заранее осведомившись, кому она собирается позвонить. Теперь ее брат знал, что сестренку нужно вытаскивать, и она была уверена, что у него все получится. Она никогда не сомневалась в его способностях решать проблемы. То, что она выйдет, Аня была уверена: ее снова впечатлил этот голос. Даже не дрогнул, не замешкался, услышав, что сестру положили в психушку. «Не переживай, — говорит, — всё уладим, котенок!» Но вот уверенности в том, что под руку с братом из здания больницы выйдет именно она, у Ани не было. Она сейчас не была уверена и в том, кто она есть. Даже окна были спрятаны за занавесками — ни единого шанса на отражение.

Пока Аня ждала ответа, слушая гудки, по коридору вели новенькую. Ее выдавали растерянный взгляд и халатик. Ее тело еще его не приняло, она чувствовала себя в нем голой. Иссохшаяся остановила одного из санитаров:

- Ох, еще привели к нам.
- Ага, художница какая-то, прямо из мастерской забирали.
- А, ну эти творческие личности все сумасшедшие. Ничего, вылечим.

За обедом Аня села за стол ближе к Настасье:

- Мне такой сон приснился. Хочешь, я расскажу?
- Рассказывай, — и снова уткнулась в тарелку.

Аня нашептывала Настасье слова, слова складывались в картинку, Аня танцевала ими, била в бубен, призывая дождь. Аня шептала быстро, красиво, смело и уже начинало пахнуть предчувствием свежести, воздух спирало все сильнее, становилось душно, шепот — дождь. Хлынуло.

— Ирина Витальевна! Настасья ручку попросила и кроссворды, на столе у меня увидела. Ну я дала, ей ведь можно, — докладывала Иссохшаяся.

- Вообще, это запрещено, конечно. Как там Шестакова?
- Все тихо, проверить?
- Не стоит, завтра зайду посмотреть.

Настасья мелким почерком — боялась, что не хватит места — записывала Анину историю под названием «Сон» на полях газеты с кроссвордами.

Игра продолжалась. Ирина Витальевна чувствовала себя все могущественнее. Аня молчала и смотрела на нее смиренно.

- Меня скоро выпишут?

Ирина Витальевна сияла благодетельно:

— Анечка, мы уже разговаривали об этом с твоим братом. Пока тебе нужна госпитализация, ты ведь чувствуешь, что ты еще нездорова.

Аня кивала:

- Да.

Аня продолжала рассказывать «сны» Настасье. Настасья запоминала каждое слово, скрупулезно записывала все на полях, буквы едва можно было разобрать, и тем красивее становился орнамент кроссвордной феерии. Ирина Витальевна возвращалась к себе в кабинет. Доставала из тумбочки фотографию, где они с братом, в красной рамочке. Блестящий близнец меркнул с каждым днем, и Ирина Витальевна плакала от счастья.

На сорок первый день к Ане в палату вошла Ирина Витальевна. Намного раньше, чем обычно, еще не завтракали.

— После обеда придет твой брат, подпишете все бумаги и получишь выписку. В течение трех дней нужно будет встать на учет к психиатру. Первое время так.

И вышла. Царица Ирина. Кого теперь качали на руках? Серая масса, красные рамочки. Великолепный близнец, твоя сестра скинула твою фотографию со стены почета, и она уже даже не горит в огне. Она тлеет.

P.S.

Только Аня не узнала и вряд ли узнает, что на следующий день после того, как за обедом она вместо продолжения истории шепнула: «Это точка, конец, меня выписывают», Настасью нашли мертвой в кровати. Всего одно ранение исписанным стержнем ручки точно в артерию, без зеркала. И кипа исписанных по полям кроссвордов...